

ВОСТОЧНЫЙ ТИМОР: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ПОЛИТИЧЕСКИХ СРАЖЕНИЙ 2017–2019 гг.

Восточный Тимор¹ по праву считается одной из наименее изученных стран Азии². Между тем за последние десятилетия он проделал путь, богатый на примечательные и зачастую трагические события: пребывание под пятой португальских колонизаторов, неудачная попытка завоевания свободы в 1975 г., индонезийское вторжение, за которым последовала без малого четверть столетия диктатура Джакарты, приход на смену индонезийцам в 1999 г. миротворческих сил и администрации ООН и в итоге получение в 2002 г. подлинного и признанного миром суверенитета, открывшего новую главу в истории этого уголка Юго-Восточной Азии.

В начале XXI в. не было недостатка в пессимистичных прогнозах, согласно которым Восточный Тимор после появления на политической карте мира был обречен на незавидное существование. Действительно, первые полтора десятилетия самостоятельного развития выдались непростыми: национальная экономика с трудом вставала на ноги, в то время как в политической сфере наблюдалось немало проблем. Вместе с тем страна сумела избежать погружения в бездну хаоса: государство оказалось несколько более жизнеспособным, нежели многие полагали.

Важным барометром взросления молодой республики можно считать электоральные процессы. В этом отношении к 2017 г. Восточный Тимор накопил внушительный опыт: в государстве были неоднократно и относительно безболезненно проведены президентская и парламентская кампании.

В 2017 г. в стране с разницей в несколько месяцев состоялись выборы главы государства и депутатов законодательной ассамблеи. Градус политической напряженности с течением времени повышался: согласно букве закона президент Восточного Тимора – фигура скорее номинальная, тогда как реальная власть находится в руках премьер-министра. Следовательно, наибольшее влияние на расстановку политических сил в стране имела именно битва за парламент. Тем не менее проведенные в марте выборы главы государства приковали к себе внимание всей нации: успешное выступление

на них могло создать для ведущих политических сил благоприятный информационный фон накануне парламентской кампании. Кроме того, у президента, несмотря на относительно скромный круг полномочий, есть определенные, в том числе и неформальные, рычаги влияния на развитие ситуации в стране.

Интриги, быстро, однако, рассеявшейся, добавляло то, что действующий глава государства Таур Матан Руак принял решение не бороться за президентское кресло, рассчитывая в дальнейшем завоевать пост премьер-министра. На старт предвыборной гонки вышли несколько кандидатов, среди которых явно выделялся Франсишку Гутерриш. Для него участие в президентских выборах новым опытом не стало: он выдвигал свою кандидатуру уже в третий раз (две предыдущие попытки, предпринятые в 2007 и 2012 гг., завершились неудачей). В 2017 г. для Гутерриша все складывалось вполне гладко. Он пользовался поддержкой двух самых успешных партий по итогам последних на момент описываемых событий парламентских выборов: Революционного фронта за независимый Восточный Тимор (Фретилин) и Национального конгресса за восстановление Тимора (НКВТ). Ни один из его оппонентов не мог похвастать подобным политическим капиталом. Главным вопросом было то, сумеет ли Гутерриш избежать второго тура голосования (для этого ему необходимо было набрать более 50% голосов в первом раунде). В результате Гутерриш, за которого проголосовали около 57% избирателей, одержал уверенную победу³.

Необходимо подчеркнуть, что это стало нарушением наметившейся ранее политической тенденции: ни разу стране не удавалось выбрать президента за один тур (состоявшиеся еще до передачи Восточному Тимору независимости выборы 2001 г. автор в расчет не берет). При этом любопытен и другой момент: впервые в истории победу одержал человек, выдвинутый партией (прежде она отходила независимым, по крайней мере формально, кандидатам). На определенную же преемственность в восточнотиморской государственной жизни указывало то, что новым президентом стал еще один представитель старой политической гвардии. Гутерриш принадлежит к числу людей, прошедших в свое время через горнило национальной борьбы. Первые три президента страны – Шанана Гужмау, Жозе Рамуш-Орта и Таур Матан Руак – сыграли колоссальную роль в национальном движении Восточного Тимора во второй половине XX в. Не сильно выделялся на общем фоне в этом

смысле и Гутерриш – заметный представитель восточнотиморского подполья в годы индонезийского военного присутствия.

Послужной список нового президента впечатляет: в разное время он занимал посты председателя Учредительного собрания, которое отвечало за выработку конституционных основ страны, спикера парламента, а также лидера Революционного фронта, мотора борьбы за независимость (сначала от Португалии, потом – Индонезии), а после провозглашения суверенитета – весьма успешной партии.

Политическое противостояние получило продолжение уже в июле, когда были проведены выборы в однопалатную законодательную ассамблею. В отличие от президентских, они обещали гораздо более серьезную борьбу. Фаворитами были Фретилин и НКВТ. На финише их разделили считанные доли процента (29,7% против 29,5% в пользу Революционного фронта)⁴. Иными словами, в известной степени наблюдалось повторение ситуации пятилетней давности, когда две указанные структуры ожесточенно боролись за победу (тогда, однако, она досталась НКВТ). Фретилин сохранил доверие своего электората: показатели по сравнению с 2012 г. почти не претерпели изменений. В свою очередь, НКВТ популярность расплескал. В общей сложности в парламент пробилась пять партий⁵ (на одну больше, чем в 2012 г.⁶).

Вне всяких сомнений, в фокусе внимания в основном находилась борьба за первую строчку в итоговом протоколе. Однако были примечательны и некоторые другие моменты, главным образом выступление Партии народного освобождения (ПНО) и партии «За укрепление тиморского национального единства» (КХУНТО). Они набрали 10,6% и 6,4% голосов соответственно⁷. Успех этих молодых структур – они появились лишь несколькими годами ранее – можно считать весьма симптоматичным: почти никогда в истории страны партии, образованные уже после получения Восточным Тимором независимости, не демонстрировали подобных показателей. Возникал справедливый вопрос: с помощью чего им удалось в относительно короткие сроки привлечь на свою сторону заметную часть электората? Некоторые обозреватели связывали успех этих структур с их популярностью у молодых жителей страны (в 2017 г. примерно пятую часть электората составляли люди, голосовавшие впервые)⁸.

Еще до оглашения первых результатов выборов стало очевидно, что следующие несколько месяцев в стране будут чрезвычайно

напряженными. Как и предполагалось, ни одна из партий не могла в одиночку сформировать кабинет министров. Начались активные политические торги. Главной интригой стала возможность создания коалиции между Революционным фронтом и Конгрессом. Отношения между ними в предшествующие годы видели весьма причудливые повороты. Политические конкуренты пошли в 2015 г. на заключение союза, хотя и довольно своеобразного: премьер-министр (и бывший президент) Шанана Гужмау от НКВТ подал в отставку и передал пост главы кабинета человеку от Фретилина – Рую Марии де Араужу (кроме того, в состав кабинета были введены и его однопартийцы)⁹. Представителей двух партий часто видели вместе во время различных мероприятий. Слухи о возможной добровольной отставке Гужмау ходили давно (он и сам был не прочь послать соответствующие сигналы), но эти шаги все равно застали восточно-тиморскую общественность врасплох, так как о недоверии двух партий друг к другу было известно повсеместно. Гужмау намекал на то, что пришла пора перетрясти политическую элиту страны и открыть дорогу новому поколению государственных деятелей. Несмотря на то, что в 2015 г. с политической сцены Гужмау не сошел (в новом кабинете он занял пост министра по вопросам планирования и стратегических инвестиций), эти перестановки были знаковыми. Если не учитывать короткую паузу в 2007 г., впервые с момента провозглашения независимости Восточного Тимора в 2002 г. лидер национального движения Гужмау не занимал ни один из двух важнейших постов в государственной иерархии.

Альянс, однако, был не совсем обычен. Стремившийся сохранить пространство для маневра Фретилин вел себя свободолобиво, и был мало похож на структуру, скованную жесткими обязательствами. При этом, строго говоря, НКВТ не чувствовал себя ущемленным. Переманив противника на свою сторону баррикад, Конгресс нанес удар по оппозиции. Этот союз был призван скорее позволить партиям в относительно спокойной ситуации подготовиться к выборам 2017 г.

К сентябрю 2017 г. сформировалась ось в составе Фретилина, Демократической партии (ДП) и КХУНТО, располагавшая в новоизбранном парламенте 35 креслами (для получения большинства необходимо было заручиться поддержкой как минимум 33 депутатов). Однако в скором времени блок распался: КХУНТО повернулась спиной ко вчерашним партнерам¹⁰. И хотя речь шла о самой маленькой из партий-членов коалиции, событие имело большое

значение, так как с уходом КХУНТО блок лишился вождя большинства в парламенте. Вероятно, сказались непомерно выросшие аппетиты молодой партии, которая попыталась с помощью политического шантажа заполучить большее количество мест в правительстве, чем полагалось ей по статусу (т.е. согласно набранному проценту голосов на последних выборах). Это заметно осложнило жизнь вчерашним партнерам КХУНТО. На двоих они имели лишь 30 мест в парламенте. Рассчитывать на перебежчиков не приходилось: законодательство Восточного Тимора карает депутатов, пытающихся сменить парламентский лагерь. В результате Фретилин и ДП приняли решение о формировании первого в истории страны правительства меньшинства¹¹. Премьером стал Мари Алькатири¹².

Серьезным испытанием для исполнительной власти обещали стать обсуждения в законодательной ассамблее предложенного правительством проекта государственного развития. Почувствовавшая собственную силу оппозиция документ провалила¹³. В этом не было ничего удивительного: в случае повторения подобного исхода в стране на горизонте вполне явственно обозначалась очередная парламентская кампания. У президента после повторного голосования с тем же исходом было два пути: передача мандата на формирование кабинета в руки оппозиции или же роспуск парламента и объявление о проведении новых выборов. Глава государства Франсишку Гутерриш (член Фретилина), естественно, не заинтересованный в создании оппозиционными силами нового кабинета, склонялся к тому, чтобы выбрать из двух зол меньшее и вновь пригласить электорат на избирательные участки. Оппозицию же в той или иной степени устраивал любой из указанных вариантов развития событий. Она либо получала власть сразу, либо шла на новые выборы с неплохими шансами на победу. Ядро оппозиции – НКВТ – во время июльских выборов от триумфа отделили считанные метры дистанции. Следовательно, у него были основания рассчитывать на успех по итогам новой схватки за парламент.

В январе 2018 г. было объявлено о решении президента Гутерриша распустить парламент¹⁴. Новые выборы должны были состояться в мае. Хотя политическое противостояние обострялось, наиболее пессимистичные прогнозы, как показало дальнейшее развитие событий, не оправдались: в стране не произошло повторения кризиса 2006 г., когда борьба двух политических лагерей привела к кровопролитию.

Главной интригой предвыборного сезона стала политическая комбинаторика. В стране не было недостатка в слухах относительно возможного появления на свет новых или трансформации старых политических союзов. В итоге Фретилин предпочел выступить в одиночку. При этом его противники избрали иной подход. НКВТ в этот раз решил создать широкую политическую платформу еще до выборов, а не после подведения их итогов. В этом было рациональное зерно. Перед глазами Конгресса еще был свежим пример того, как новоиспеченный союзник, видя непростое положение партнера, начинает действовать излишне самонадеянно, на грани политического шантажа. При скреплении союза предвыборными договоренностями вероятность развития событий по подобному сценарию уменьшалась, хотя и не сводилась к нулю. К НКВТ примкнули ПНО и КХУНТО.

Революционному фронту на победу при этом рассчитывать было непросто, во многом из-за того, что партия шла на выборы самостоятельно. Возникает вопрос: почему данная структура вступила в бой, опираясь исключительно на свои силы? Вероятно, это объяснялось рядом причин. Например, надеждами на то, что противники так и не смогут сплотить ряды, перессорятся и Фретилин останется как минимум первым среди равных. Возможно, сыграло свою роль и традиционное мировосприятие партии, которая привыкла видеть себя как старую, сложившуюся и, пожалуй, наиболее авторитетную политическую структуру в стране.

Выборы прошли в относительно спокойной атмосфере и принесли любопытные результаты. Фретилин набрал голосов больше, чем в 2017 г. Это, однако, не помогло партии удержаться у власти. Оппозиционная коалиция обеспечила себе довольно комфортное преимущество¹⁵.

Итоги майских выборов едва ли можно рассматривать как точку в затянувшемся политическом противостоянии. События середины 2018 г. убедительно продемонстрировали, что вовлеченные в конфликт стороны не оставили взаимные претензии в прошлом. Лакмусовой бумажкой стал процесс формирования кабинета министров. Президент Гутерриш некоторое время отказывался утверждать состав нового правительства, ссылаясь на то, что ряд потенциальных членов кабинета имел трения с законом¹⁶. Не исключено, что Гутерриш, принадлежавший к проигравшей на парламентских выборах стороне, просто стремился максимально осложнить жизнь триумфаторам. После нескольких недель противостояния компро-

мисс, пускай и предельно шаткий, был достигнут и правительство было сформировано¹⁷. Новым главой кабинета стал Таур Матан Руак. Примечательно, что лишь второй раз в истории страны кабинет взял под контроль человек, не принадлежавший к Революционному фронту или Конгрессу. При этом судьба ряда должностей по-прежнему решена не была: борьба продолжалась¹⁸.

В отместку за нежелание одобрять полный состав кабинета оппоненты «подкорректировали» график иностранных визитов президента¹⁹. Глава государства в долгу не остался, ветировав использование Нефтяного фонда для приобретения Восточным Тимором доли в газовом месторождении *Greater Sunrise*. События достигли пика противоречий в декабре 2018 г., когда президент наложил вето на одобренный парламентом проект государственного бюджета²⁰. В стране стали поговаривать о новом роспуске законодательной ассамблеи. В начале 2019 г. ситуация, казалось, разрешилась²¹, но не оставалось сомнений, что политическое противостояние в прошлое не уйдет.

Последние несколько лет для Восточного Тимора выдались предельно сложными. В них, с одной стороны, можно было увидеть отход от сложившихся ранее традиций (как было замечено выше, ряд примечательных политических событий произошел в истории страны в первый раз). В то же время совершенно неоспорима и некоторая преемственность. Так, несмотря на определенные признаки регенерации политической верхушки, в стране у руля находятся по большей части представители старой гвардии (достаточно упомянуть, что два важнейших поста – президента и премьер-министра – занимают ветераны-тяжеловесы восточнотиморской политики, сделавшие себе имя еще в годы борьбы за независимость). Психология, как элиты, так и масс, скорее статична. Примечательно и то, что радужные прогнозы относительно формирования в стране долгоиграющего политического консенсуса после событий середины десятилетия не оправдались, а Восточный Тимор оказался на пороге самого серьезного политического кризиса за последние годы. И хотя противоречия не приняли форму масштабных столкновений, как в 2006 г., нет полной уверенности в том, что большой крови удастся избежать и в дальнейшем. Очевидно, что процесс смены поколений в стране будет заметно продолжительнее, нежели можно было предположить. Это связано с несколькими обстоятельствами. Во-первых, с неготовностью значительной (если не сказать большей) части верхушки оставить свои позиции. Первый президент

страны Шанана Гужмау в данном случае скорее исключение, а не правило. Во-вторых, самим партиям проще разыгрывать карту причастности того или иного политического деятеля к национально-освободительному движению. Часто партии современного Восточного Тимора строятся вокруг лидера, пытаются с помощью романтизации прошлого и апелляции к героям борьбы за независимость скрыть отсутствие фундаментальной идеологической базы и четко проработанной программы действий.

¹ Полные формы наименования государства – Демократическая Республика Тимор-Лешти или Демократическая Республика Восточный Тимор. «Тимор-Лешти» представляет из себя буквальную передачу слов «Восточный Тимор» на португальском языке. В современной русскоязычной литературе понятия «Восточный Тимор» и «Тимор-Лешти» сосуществуют. В данной работе выбор будет делаться в пользу переведенного на русский язык варианта.

² В России изучением исторического пути Восточного Тимора занимались, например, В. Ф. Урляпов и Н. А. Толмачев. В фокусе внимания обоих исследователей находились события XX в.

³ Comissão Nacional de Eleições. Eleisaun Presidencial 2017. URL: <http://www.cne.tl/apuramento-nasional> (дата обращения: 15.10.2019).

⁴ Comissão Nacional de Eleições. Apuramento Eleisaun Parlamentar 2017. URL: <http://www.cne.tl/apuramento.2017/public.php> (дата обращения: 15.10.2019).

⁵ Ibid.

⁶ Следует отметить, что незадолго до выборов власти приняли решение о повышении электорального барьера до 4% (прежде он устанавливался на отметке 3%). См.: Lei № 9/2017 de 5 de Maio. Quarta Alteração à Lei № 6/2006, de 28 de Dezembro (Lei Eleitoral para o Parlamento Nacional) // Jornal da República, 5 de Maio de 2017. Série I, № 17 A. P. 2.

⁷ Comissão Nacional de Eleições. Apuramento Eleisaun Parlamentar...

⁸ Australian Broadcasting Corporation, 24.07.2017. URL: <https://www.abc.net.au/news/2017-07-23/disenfranchised-youth-party-wins-seats-in-timor-leste-election/8736032> (дата обращения: 15.10.2019).

⁹ Подробнее об этом см., например: Nolan C. After Xanana: Challenges for Stability // A New Era? Timor-Leste After the UN. Acton, ACT: ANU Press, 2015. Pp. 155–168.

¹⁰ The Interpreter, 23.10.2017. URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/timor-leste-return-belligerent-democracy> (дата обращения: 15.10.2019).

¹¹ Ibid.; The Straits Times, 03.10.2017. URL: <https://www.straitstimes.com/asia/se-asia/timor-leste-president-swears-in-first-minority-government> (дата обращения: 15.10.2019).

¹² В материалах на русском языке встречается также другой вариант написания фамилии – Алкатири.

¹³ The Straits Times, 20.10.2017. URL: <https://www.straitstimes.com/asia/se-asia/timor-leste-govt-faces-uncertainty-after-parliamentary-defeat> (дата обращения: 15.10.2019).

¹⁴ The Sydney Morning Herald, 26.01.2018. URL: <https://www.smh.com.au/world/asia/east-timor-dissolves-parliament-in-effort-to-solve-political-standoff-20180126-p4уух3.html> (дата обращения: 15.10.2019).

¹⁵ Kalkulado-ra Eleisaun Parlamentar. URL: <http://www.cne.tl/apuramento.2018/dhondt-calculator> (дата обращения: 15.10.2019).

¹⁶ См., например: Diariu Timor Post (Dili), 17.08.2018.

¹⁷ Diariu Independente (Dili), 17.08,2018.

¹⁸ Jornal Nacional Diário (Dili), 17.08,2018.

¹⁹ East Asia Forum, 13.12.2018. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2018/12/13/hard-times-ahead-for-a-politically-divided-timor-leste> (дата обращения: 15.10.2019).

²⁰ AP, 23.01.2019. URL: <https://www.apnews.com/f12d9e12c07e4c2685a52eada29ace95> (дата обращения: 15.10.2019).

²¹ Oil and Gas Journal, 18.01.2019. URL: <https://www.ogj.com/general-interest/companies/article/17278924/east-timor-approves-use-of-petroleum-fund-for-sunrise-acquisition> (дата обращения: 15.10.2019).